

Константин БАРШТ

О СОСУДЕ С ЕЛЕЕМ ИСАИИ ОТШЕЛЬНИКА И О НЕПРЕДНАМЕРЕННОМ БУРЛЕСКЕ КАПИТАНА ЛЕБЯДКИНА

Во время визита к Варваре Петровне Ставрогиной капитан Лебядкин в своей басне «Таракан» создает аллегорический образ некоего стесненного пространства, в котором происходит взаимное истребление находящихся там насекомых, названное «мухоедством». Символический подтекст этой сцены не раз привлекал внимание интерпретаторов Достоевского. Согласно комментарию в Полном собрании сочинений Достоевского, басня «Таракан», которую декламирует Лебядкин, является реминисценцией из «Фантастической высказки» И. Мятлева («Таракан / Как в стакан / Попадет — / Пропадет; / На стекло, / Тяжело, / Не всползет»¹), здесь же высказана идея о том, что произведение Лебядкина представляет собой «пародию на печатавшиеся в тогдашних газетах и журналах многочисленные стихотворения, в которых традиционные гражданские мотивы оношлялись и разменивались на мелкую ходячую монету» (12, 294–295)².

¹ Мятлев И. П. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1857. С. 121–122.

² Здесь и далее цитаты из произведений Достоевского даются в тексте статьи с указанием тома и страницы по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 тт. Л.—СПб.: Наука, 1972–1990.

Это в высшей степени ценные наблюдения, особенно касающиеся источника реминисценции из сочинений Мятлева. Однако помимо названных текстов у «басни» Лебядкина, как это явствует из комментариев автора «басни», есть еще один источник цитирования, объект переложения, который не отменяет указанный, но существенно дополняет его, объясняя цель и смысл той возвышенной риторики, к которой стремится, пусть и без особого успеха, капитан Лебядкин.

На то обстоятельство, что в стихотворном опыте Лебядкина содержатся «аллегории», обращает внимание и повествователь романа, воспроизводя реплику Варвары Петровны (10, 140). При чтении этого отрывка не оставляет ощущение присутствия здесь некоей цитаты, возникает мысль, что высокопарные аллегорические фигуры и стихотворные экзерсисы философствующего Лебядкина являются переложением вполне серьезных текстов, которые, возможно, получают нелепую, комическую форму из-за того, что отфильтрованы сознанием человека, не способного их адекватно понять или, тем более, воспроизвести.

Внешне дискурс Лебядкина выглядит как поток сознания человека, не обладающего умением мыслить логически, в тексте романа Достоевского подчеркнуто, что он вызывает у слушателей досаду и недоумение. Однако какая-то логика в его речах есть, правда, она находится за пределами его речевого самовыражения, в источниках его перифразов, в частности, в аллегории-притче, как мы увидим — заимствованной, которую, путая начало и конец, мешая одно с другим, пытается воспроизвести Лебядкин, формируя свое стихотворное пророчество о «мухоедстве в стакане». Основные компоненты его выступления следующие:

жалоба на жалкое существование в «лохани» и утверждение необходимости братских отношений между людьми, заповеданных Христом, а также предложение их лично Варваре Степановне Ставрогиной;

манифестация высочайшего уровня нравственных стандартов членов семьи Лебядкиных, их высокой духовности и отречения от мирских благ (здесь он, фактически,

отождествляет себя с сестрой, Марьей Тимофеевной³), подчеркнутых публичным отказом от денег (правда, не его, а сестры);

утверждение того, что ему, Лебядкину, доступна истина и он ее немедленно изложит «огненными литерами» в своей «басне»;

комментированное чтение басни «Таракан» и попытка утвердить в сознании своих слушателей мысль о необходимости очищения от греха зависти и противоборства, а также гибельности социальной практики пресловутого «мухоедства»;

краткая исповедь о личной победе над гордыней, с трактовкой себя как «ничтожного звена», взявшего на себя обет безмолвия и личного смирения;

изложение проекта о смене имени и тайном желании возглавить с этим новым именем какое-нибудь религиозное сообщество.

Перечисленные компоненты этой мизансцены, как мы далее увидим, представляют собой непреднамеренное бурлескное переложение поучений отцов Церкви, в частности аввы Исаян Отшельника, разумеется вряд ли прочитанных самим Лебядкиным, но, что более вероятно, изложенных ему в устной форме сестрой, бывшей послушницей монастыря. При этом глубокие нравственно-философские смыслы, символические и аллегорические фигуры, составлявшие известную особенность «слов» Исаян Отшельника и других христианских писателей, в речевой и литературной интерпретации Лебядкина оказались переодетыми в чуждое им шутовское одеяние; однако узнать источник заимствования

³ Обращает на себя внимание то, что в «Слове о смерти» Игнатия Брянчанинова, книге, знакомой Достоевскому, содержится мысль, близкая к той, которую проповедует М. Лебядкина («Мать сыра-земли»): «...тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято; оно продолжает существовать в самом тлении своем; оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой, после которого оно делается уже неприкосновенным для этой видимой смерти» (Слово о смерти, составленное Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским... СПб., 1862. С. 3).

возможно по характерной связи между сигнальными знаками, имеющими в обоих текстах вполне определенное значение. Это, в первую очередь, стесненная тяжкими социальными общественными узами душа человека («лохань», «стакан»), трактованная как предназначенный для Бога сосуд с набившимися туда злыми мыслями и греховными желаниями — насекомыми, символизирующими разгул бесовщины; далее — апология «братства», требование смирения и безмолвия, очищения от греха и самоотречения. Аллюзивный адрес имеет также и «олицетворяющий природу» Никифор, который в апокалиптическом ключе освобождает загрязненный сосуд от скопившейся в нем нечисти.

Прежде чем перейти к анализу указанной бурлескной реминисценции, обратим внимание на глубокий интерес Достоевского к писаниям отцов Церкви, неоднократно отмеченный в литературе о писателе. По всей видимости, ему хорошо были знакомы сборники «Четыи Минеи» и «Добротолюбие»⁴. Н. Буданова в «Библиотеке Достоевского» указывает, что последнее отсутствует среди книг, подаренных ему иноками Оптиной пустыни во время визита 1878 года. Однако это как раз и может быть признаком того, что данная книга у него была, тем более, некоторые тексты из нее ему были известны. Достоевский привез из Оптиной пустыни оттиски из книги «Восторгнутые класы в пищу души», то есть несколько переводов из святых Отцов старца Паисия Величковского (Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, М.: Университетское изд., 1849), которая, утверждает Буданова, «как бы служит дополнением к „Добротолюбию“, известному собранию святоотеческих творений (перевод на славянский язык осуществлен П. Величковским в 1797 г.)»⁵. Другими словами, Достоевский

⁴ Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвонного собрания от писаний святых и богодухновенных отцев, в нем же нравственным по деянию, и умозрению любомудрнем ум очищается и просвещается и совершен бывает. Ч. 1—4. М., 1793—1797.

⁵ Буданова Н. Ф. Книги, подаренные Ф. М. Достоевскому в Оптиной пустыни // София. 1995. № 1.

привез из Оптиной пустыни «дополнение» к той книге, которая у него со всей очевидностью была. Иначе как объяснить, почему он не вывез оттуда само «Добротолубие», ведь трудно найти другую книгу, которая была бы важнее для верующего христианина (не только православного). Воплоще резонно не сомневается в знакомстве Достоевского с «Добротолубием» и В. Котельников⁶, о большой вероятности наличия у Достоевского этой книги говорят и другие авторы⁷.

Возможно, что такого рода «поучительные слова» отцов Церкви читали детям во время традиционных семейных чтений в 1820–1830-е годы в семье Достоевских, в годы жительства на Божедомке⁸. К 1870 году, когда началась работа над «Бесами», русский перевод книги выдержал шесть изданий, свой вариант «Отчника» в конце 1860-х годов создавал хорошо известный Достоевскому епископ Игнатий Брянчанинов, однокашник писателя по Главному инженерному училищу. Произведения особо интересующего нас в данном случае Исаии Отшельника на русском языке многократно публиковались в журнале «Христианское чтение»⁹, а в 1860 году были опубликова-

⁶ Действительно, судя по тому, как говорит Достоевский о целях старчества, о призвании и пути инока, о братолюбивом служении аскета, о смирении, надо полагать, он широко пользовался жизнеописаниями старцев Леонида и Макария, некоторыми из выпшедших к тому времени (в основном в Оптиной) святоотеческих творений. «Добротолубие» и, похоже, был знаком с «Откровенными рассказами странника» (см. об этом: *Котельников В. А.* Православные подвижники и русская литература. М., 2002. С. 287).

⁷ «Исихазм в его славянском преломлении через "Добротолубие" оказал сильное влияние на духовную жизнь "Оптиной Пустыни", где в 1879 году бывал и Достоевский, кстати, вместе со своим моральным другом Владимиром Соловьевым» (*Муриков Г.* Достоевский и мирное о конце света // <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/dostoevskii-i-vopros-o-kontse-sveta>).

⁸ *Достоевский А. М.* Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990.

⁹ См.: Систематический указатель к журналу «Христианское чтение». 1821–1903. СПб., 1905. № 709–722.

ны отдельной книгой¹⁰, кроме того, также широко распространялись в рукописных копиях в переводе Паисия Величковского.

Такого рода копии обычно изготавливались в монастырях новоназначенными монахами по поручению старцев в качестве одного из путей воспитания монашеского благочестия; одна из подобных копий сочинений аввы Исаии (начало XIX века) принадлежала Игнатию Брянчанинову, о чем свидетельствует его собственноручная подпись на форзаце рукописной книги: «Сия книга получена мною из Молдавского Нямецкого монастыря в 1846 году. Архимандрит Игнатий»¹¹. В 1870 году в Петербурге вышло подготовленное им собрание изречений отцов Церкви¹². Достоевский работал над первой частью романа, где содержится упомянутая сцена, «вплоть до осени 1870-го года» (13, 184); еще находясь за границей, он существенно перерабатывает план произведения, активно читая вышедшие в 1870 году русские книги (13, 212), в числе которых, учитывая поставленную писателем творческую задачу — художественное воплощение мысли о нравственном преобразовании русского общества, — вполне мог быть и «Отечник» Игнатия Брянчанинова.

Цитатный характер притчи, изложенной капитаном Лебядкиным, открывается в сравнении ее с поучениями Исаии Отшельника и других отцов Церкви, равно как и остальные пункты «исповеди» и «проповеди» героя, также имеющие аллюзивные адреса, естественным образом

¹⁰ Преподобного и богоносного отца нашего Аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова в русском переводе. М., 1860 (далее — Аввы Исаии Слова).

¹¹ Рукописная книга хранится в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии. Автор выражает глубокую благодарность игумену Стефану, заведующему библиотекой, предоставившему эти данные и оказавшему иную, весьма существенную помощь в работе над этой статьей.

¹² Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием. СПб., 1870. На титульном листе заглавие: «Отечник, составленный епископом Игнатием».

связанные с «басней о мухоедстве». Обратимся к тексту: «Сударыня, я приехал отблагодарить за выказанное на паперти великодушие по-русски, по-братски... — По-братски? — То есть не по-братски, а единственно в том смысле, что я брат моей сестре...» (10, 138). — быстро отступается от пункта о «братстве» Лебядкин. Далее он жалуется на свою долю — «жить в лохани», сосуде, имеющем малопочтенное утилитарное назначение, в данном значении — моделирующем нравственно-социальную реальность, окружающую Лебядкина в виде замкнутого пространства, исполненного тесноты и неустроенности. Манифестация социально-общественной неустроенности («лохани»), в сочетании с призывами к «братству» и демонстрацией личного бескорыстия и смирения, является прологом к чтению басни «Таракан», на фоне которой эта метафора обрывает новыми значениями.

Он читает:

Жил на свете таракан,
Таракан от детства.
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

Отвращение, которое вызывает этот текст у слушателей, Лебядкин пытается смягчить пояснениями и прозаическим переложением аллегорий, которые еще более отчетливо указывают на предмет аллюзии:

То есть когда летом, — заторопился капитан, ужасно махая руками, с раздражительным нетерпением автора, которому мешают читать, — когда летом в стакан залезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет...

Последние слова Лебядкина указывают на его уверенность в знакомстве слушателей «басни» с такого рода метафорой, которая, в свою очередь, является реминисценцией из «Слова 12-го. О вине» в «Духовно-нравственных словах» Исаии Отшельника: «Если отверстие бочки остается открытым, то в онос набираются мошки и комары и портят вино: подобным и для души бывает вред от многословия, от разговоров смехотворных и пус-

тых»¹³. В «Отечнике» Игнатия Брянчанинова этот раздел поучений Аввы Исаии имеет следующий вид: «290. Если устье сосуда с вином оставлено будет отверзтым: то набиваются в сосуд комары и мошка, от чего вино портится. Подобному повреждению подвергается и душа от многословия, от разговоров шуточных и пустых»¹⁴.

Согласно многократно высказанной отцами Церкви мысли, назначение человека состоит в том, чтобы стать настоящим «жилищем» или «сосудом» Святого Духа. При сотворении человека Господь даровал ему это состояние, однако оно было утрачено по причине грехопадения и может быть обретено вновь только в христианстве и только как Божий дар¹⁵. «Сосуд» (или «бочка») в данном контексте обозначает душу человека, которая может наполниться греховными помыслами, если в ней слишком явна сладость «вина». Исаия Отшельник добавляет: «Бочка, если не будет вся хорошо вымазана смолою и иметь хоть малые скважины, то вина содержать не может; так и сердце, если не будет ограждено смирением и целомудрием и не будет чуждо других пороков, то не может быть жилищем Божиим»¹⁶, оно становится местом обитания нечистых насекомых, заполняющих пустой сосуд, — греховными мыслями и намерениями.

Рачительное отношение верующего к себе как сосуду, способному вместить «елей» даров Святого Духа, является важнейшей темой поучений отцов Церкви. Некоторые старцы, например Евагрий или Святой Епифаний Кипрский, прямо называются «избранным сосудом» Бога¹⁷. Подобного рода сравнение души человека с сосудом, сохраняющим или «елей», или нечто греховное и непристойное, можно найти и у других православных писате-

¹³ Аввы Исаии Слова. С. 105.

¹⁴ Избранные изречения святых иноков... С. 226–227.

¹⁵ *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Слово о человеке // Полн. собр. творений Игнатия Брянчанинова. Т. 1. М., 2004. С. 541.

¹⁶ Аввы Исаии Слова. С. 104.

¹⁷ Избранные изречения святых иноков... С. 124, 132.

лей, например у Макария Великого¹⁸. Эта же мысль содержится также и в «Слове о смерти», принадлежавшем Достоевскому¹⁹. Сделать «сосудом избранным», отказавшись от всего суетного и бренного, призывает Иоанн из Келлий²⁰. «Умное деланье», согласно Геласию, «в сосуде своем» оказывается возможным лишь при условии «осененности Божественною благодатию», которая проявляется в «духовной свободе», отсутствии пристрастия к «мелочным предметам» и «строгости нестяжания»²¹. О спасении и «очистке» сосуда души от злого и непотребного говорит Пимен: «сосуды — человеки, и тот, кто очистит себя от греха, «тот соделывается сосудом в честь, благодотребным своему Владыце, уготованным на всяко дело благое» (2 Тим. 2, 20—21)»²². Трактовка души человека как вместилища воли Божьей, души, которая легко может стать «орудием и сосудом всех зол», содержится в поучениях Антония Великого²³. О проникновении «ужасной заразы» в душу человека говорит старец Агафон, согласно комментарию Игнатия Брянчанинова, «когда яд греховный, в ничтожном по-видимому количестве, проникнет в живой сосуд Святого Духа и разольется в нем, то производит ужасное опустошение и превращение», и от «неправильного и человекоугодливого послушания» и «ложного смирения» он обращает человека, предназна-

¹⁸ «Делающие без плодов в день суда окажутся подобными пяти юродивым девам, которые, поелику в сосудах сердца не принесли отсюда духовного елея, то есть нечисленных выше добродетелей, то за сие самое названы юродивыми, и не допущены в духовный чертог царствия» (Преподобного Макария Египетского духовные беседы, послания и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. М., 1852. С. 469).

¹⁹ «Когда настало время умирать великому Сисою <...> Он сказал им: «Смотрите, — Господь пришел и изрек: принесите мне избранный сосуд из пустыни». С этими словами он испустил дух» (*Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти* // Полн. собр. творений Игнатия Брянчанинова. Т. 3. М., 2004. С. 106).

²⁰ Избранные изречения святых иноков... С. 367.

²¹ Там же. С. 98.

²² Там же. С. 422.

²³ Там же. С. 27.

ченного для хранения даров Святого Духа, в «сосуд сатаны»²⁴. О неприемлемости вложения в себя «чуждых сосудов», несовместимых с Богом, живущим в каждом из нас, говорит один из старцев, «которых имена не дошли до нас»; именно отказ от «чуждого сосуда» является важнейшим способом противодействия лукавому²⁵.

Образ старца, борющегося за очищение души человека — сосуда Божьего — от накопившейся в ней грязи, явлен в притче № 63 в «Отечнике» Игнатия Брянчанинова

У старца были два пустые кувшина; старец сказал брату: походи, возьми один из этих сосудов, палей в него воды, вымой, воду вылей, и сосуд, кверху дном, поставь на свое место. Сделал это брат однажды и, по повелению старца, в другой и третий раз. Тогда старец сказал ему: принеси оба сосуда сюда. Когда брат принес, старец спросил его: который из двух сосудов чище? Брат отвечал: тот, в который я паливал воду и который мыл. На это старец сказал: так и та душа, сын мой, которая часто слышит слово Божие, хотя не удерживает в памяти ничего из слышанного, однако более очищается, нежели та, которая никогда не вопрошает и не слышит слова Божия²⁶.

Авва Исаия Отшельник особое внимание уделяет процессу очистки «сосуда» от накопившейся в нем «всякой скверны», что считает самой важной заботой верующего «в день общего воскресения»²⁷. В другом своем поучении он говорит о необходимости очистки души от всего, увлекающего в ад: «Блажен подвижавшийся, солекшийся того, что увлекает в геенну, облекшийся в то, что вводит в царство. Ничтожно время земной жизни, но мы обольщаемся и тратим его на пустые дела. Между тем подходит неприметно последний час, и мы подвергаемся плачу вечному...», с другой стороны, люди, которые дела-

²⁴ Избранные изречения святых иноков... С. 63, 155.

²⁵ Там же. С. 477–478.

²⁶ Там же. С. 585–586.

²⁷ Там же. С. 233.

ют обратное, трактованы как «чуждые Богу» «сосуды врага»: «окончится в свое время жизнь их, и они оставят поприще земной деятельности»²⁸. Он считает, что основная забота верующего — постоянно думать о том, наполнен ли его «сосуд» елеем, другими словами, «дух твой, душа и тело соединились действием Святого Духа и воскресли непорочными от смерти вечной, будучи посещены Господом нашим Иисусом Христом»²⁹.

Заметим, что основная тема всего, что говорит в стихах и в прозе Лебядкин на приеме у Ставрогиной, это тяжелое нравственное состояние человечества и отдельных представителей рода людского; души людей, по его мнению, становятся похожими на «стакан с мухоедством». В святоотеческой литературе душа человека, наполненная благими намерениями или греховными мыслями, традиционно сравнивается с сосудом, наполненным либо спасительным «елеем», либо палящими туда мошками, комарами и мухами. В слове 17-м «О радости души, работающей Богу» Авва Исаия говорит:

Братья! Доколе находимся в теле, постараемся наполнить сосуды наши елеем, с коим бы светильник наш горел и сиял, когда будем входить в царствие Божие. Сосуд есть покаяние, а елей в нем означает совершение всех добродетелей <...> душа, сияющая благими делами, войдет в царствие, а душа, омраченная злом, низойдет во тьму. Да не заградятся уста твои, не имея что отвечать перед святыми! Если ты, подобно мудрым девам, имеешь елей в сосуде своем, чтобы встретить Жениха, и не быть оставленными вне чертога³⁰.

Таким образом, для того, чтоб наполнить свою душу елеем, к чему призывает Исаия Отшельник, необходимо освободить ее от греховных мыслей — устойчиво сравниваемых в поучениях старца с насекомыми, набившимися

²⁸ Избранные изречения святых иноков... С. 260.

²⁹ Там же. С. 293–294.

³⁰ Аввы Исаии Слова. С. 159, 171.

в сосуд с остатками вина. Парадоксальность и скандальность ситуации, комический эффект от поведения Лебядкина вызывает то, что, пытаясь по-своему оформить эти ценные мысли и воплотить в жизнь эти принципы, он впадает в отринутое Исаией Отшельником суесловие, невольно надевая своим поведением на мудрые слова старца шутовской колпак³¹.

Лебядкин еще до начала декламации прямо говорит о глубинном аллегорическом смысле басни, которая указывает на ключевую для устройства мироздания мысль, отвечающую на вопрос о жизненном предназначении человека вообще, и его, Лебядкина, в частности: «Ответ на дилемму этой басни, огненными литерами!»

В этом Лебядкин как будто следует совету Аввы Исаии возглашать истину таким образом, чтобы она содержала внутреннее «сокровенное» поучение, доходящее до сердца слушателя; половина раздела книги под названием «Изречения Аввы Исаии» («Приложения») посвящена разъяснению важности формирования «тайного» или «сокровенного» поучения: «тайное поучение иссушает скверные помыслы, отчего упраздняются душевные страсти; оно просвещает ум, соделывает мысль светлою и наполняет сердце радости. Тайное поучение уязвляет бесов и отгоняет злые помыслы <...> Тайное поучение и чтение есть дом души, недоступный для врагов, стоит неподвижный, пристанище тихое и безмятежное <...> Сокровенное поучение просвещает ум <...> уязвляет бесов и очищает тело от страстей», оно «чуждо и непричастно всякого скверного дела»³². Лебядкин читает:

³¹ Следует отметить, что такого рода фигуру Достоевский использовал и ранее: так, в разговоре с Раскольниковым («Преступление и наказание») Лужин излагает, в сниженном варианте, теорию, весьма близкую к концепции Раскольникова, вольно истолковывая известный эпизод Нового Завета с дележом платья распятого Иисуса (См.: *Торон II*. Тотальный перевод. Тарту, 1996. С. 116).

³² Аввы Исаии Слова. С. 355–357.

Место занял таракан,
Мухи возронтали,
«Полон очень наш стакан», —
К Юпитеру закричали.
Но пока у них шел крик,
Подошел Никифор,
Бла-го-роднейший старик...

На этом стихи заканчиваются, и своими словами автор «басни» продолжает:

Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Вот ответ на ваш вопрос: «почему?» — вскричал он торжествуя. — «Та-ра-кан не ропщет!» — Что же касается до Никифора, то он изображает природу, — прибавил он скороговоркой и самодовольно заходил по комнате.

Поднятый Лебядкиным вопрос о «Никифоре-природе» нуждается в пояснениях относительно Никифора, имя которого склонный к злоупотреблению спиртным капитан Лебядкин выбрал в качестве вершителя судьбы «мухоедства». Представляется, что это аллюзия на афонского старца Никифора Уединенника, наставника Григория Солунского (Паламы), а также известного апологета «безмолвия» и автора известного текста, обычно предлагаемого лицам, легко впадающим в состояние духовной нетрезвости: «Слово о трезвении и хранении сердца многополезное», входившее в несколько различных сборников отцов Церкви, включая и «Добротолюбие»³³. В качестве основного способа избавления от «козней бесовских» преподобный Никифор предлагал свой опыт «бесстрастия», основанный на отказе от «дружбы со змием» и «отречении от всего настоящего».

Аллюзивный адрес «природы» можно обнаружить в «Словах» аввы Исаии; он отмечает, что в человеке ужива-

³³ См.: Добротолюбие... Ч. 1. С. 36–43 об.

ются две природы: Иисуса и Адама, противоположность которых проявляется в том, каким образом носитель каждой из них отдает свои долги ближнему. Попытка Лебядкина торжественно вернуть деньги Варваре Степановне является, видимо, реминисценцией этического правила, сформулированного Исаией Отшельником: «если ты дал что взаймы ближнему и не требуешь этого обратно: то действуешь в естестве Иисуса. Если же потребуешь возвращения: то поступишь по естеству Адама. Требование же лихвы ниже и Адамова естества»³⁴.

«Таракан», подчеркивает Лебядкин, не противоречит («не рошчет»), Лебядкин к тому же охотно и с избытком отдает долг (заметим, не свой и, фактически, вымышленный) Варваре Степановне, тем самым настаивая на наличии у него «природы Иисуса». Окончательная победа Провидения над бесовщиной, совершенная «Никифором» («Победоносцем»), которому охотно подчиняется Таракан, ликующе переживается Лебядкиным в свете окончательного поражения своей гордыни — в полном соответствии с требованиями, которые содержатся едва ли не в каждом из текстов, составляющих «Отечник» Игнатия Брянчанинова.

Итак, манифест Лебядкина образует смысловой ряд «стакан», в котором происходит борьба всех между собой и всех их вместе — с Тараканом, социальная «лохань», на которую жалуется и в которой горестно пребывает Лебядкин, и, наконец, Никифор-природа, на корню уничтожающий саму возможность «мухоедства» как нестерпимого для нравственного чувства этического хаоса и ситуацию взаимного истребления друг друга несколькими творениями Божьими. В аллегории Лебядкина Никифор обозначает «естественный ход вещей, природу», «стакан» — душу человека, автор басни — пророка и философа, мечтающего о роли христианского деятеля, а «таракан» и «мухи» — конфликтное состояние нескольких социальных субъектов, находящихся в протестном отно-

³⁴ Избранные изречения святых иноков... С. 160.

шении к условиям своего существования. Формируя речевую конструкцию, приближающуюся к формату несобственно-прямой речи, Лебядкин, как бы от лица Таракана, указывает на его личное смирение и, одновременно, финальное торжество Божественной справедливости: «...но таракан не ропщет! Заметьте же, заметьте наконец, что не ропщет, и познайте Великий Дух!»³⁵ Другими словами, возникает ситуация, как бы параллельная гибели Содома и Гоморры, где в отличие от библейского образца, гибнут не только грешники, погрязшие в «мухоедстве», но и единственный «праведник», в этом смысле переживания высшего градуса смирения Лебядкина: «Таракан не ропщет!» Эта мысль кажется Лебядкину особенно глубокой, он здесь чувствует точное попадание в искомый им смысл. Достоевский подчеркивает это: он «самодовольно заходил по комнате».

Развитая в трудах старцев метафора — душа человека есть «сосуд», наполненный грехом (насекомыми) или благостью (вином или елеем), — дополняется метафорой, разъясняющей губительное отношение первого ко второму, — именно недостаток веры и глубины покаяния («остатки вина на дне сосуда») и привлекают насекомых, которые стремятся заполнить освободившийся объем в сердце человека. Ссылаясь на Экклезиаста, Исаия Отшельник пишет, что малейшая страсть уничтожает силу добродетелей, и потому «мухи умершие сгноют елей сладость (Еккл.10:1)»³⁶. Губительное действие греховных и суетных мыслей в голове человека не раз сравнивается в его творениях с мухамн, на-

³⁵ В «Дневнике писателя» за 1876 год, январь, Достоевский предлагал Гете молиться следующим образом: «"Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне". Вот какова должна была быть молитва великого Гете во всю жизнь его». Следует также отметить, что в «Дневнике писателя» Достоевский употребляет это словосочетание в значении «русская идея». В «Братьях Карамазовых» словосочетание «великий (страшный) дух» имеет значение «Сатана» («Великий Инквизитор»).

³⁶ Слова преподобного аввы Исаии к своим ученикам. Слово двадцать пятое. К авве Петру, ученику своему // Добротолюбие. В 5 тт. Т. 1. М.: Сибирская благовонница, 2010. С. 205–206.

бывшимися в оставленный без присмотра сосуд с вином. Пятнадцатое «Слово» Исаии «Об отречении от мира» в издании 1860 года говорит об этом так:

Кто верует, что уготовано царство для святых, тот блюдет, чтобы не согрешить и в маловажных вещах, дабы быть сосудом избранным. Ибо «подобно, — сказал Господь, — царствие небесное неводу вверженну в море, и от всяких рыб собрашу. Иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избрана добрыя в сосуды, а злые извергоша вон» (Матф. 13. 47.48). Кто верует, что тело его воскреснет в день суда, тот должен очистить оное от всякой скверны и порока³⁷.

По поводу «мух» как несущих зло индивидуумов в своей известной книге «Плоть и дух» (глава V «Осуждение и оклеветание»), со ссылкой на Иоанна Златоуста, чтимый Достоевским святитель Тихон Задонский писал: «Клеветники подобны мухам: как мухи летят на чужие раны, так клеветники ищут чужие погрешности, чтобы разгласить их»³⁸. Ср. также в Библии: «Погибала земля от песьих мух» (Исх. 8:24). «Мухи», упоминаемые Исаией Отшельником и другими христианскими авторами, не вид насекомого, но знак злобной, порочной, грязной сущности, отравляющей душу человека. Поэтому в других своих Словах, используя ту же метафору, Исаия Отшельник заменяет «сосуд» с «мухами» на «сундук» со «старым платьем», истлевающим в забвении, или сосудом, в котором погибают «змеи и скорпионы», понятые как «злые помышления, прозябающие от демонов»³⁹.

Что касается слова «мухоедство», семантически довольно ясного, но отсутствующего во всех известных словарях, то оно, с одной стороны, указывает на обстановку жестокой междоусобицы, царящей в сообществе мух, на-

³⁷ Аввы Исаии Слова. С. 124.

³⁸ Тихон Задонский. Плоть и дух // Тихон Задонский. Творения. Т. 1. М.: Самшит, 2003. С. 661.

³⁹ Избранные изречения святых иноков... С. 420.

бившихся в «стакан», а с другой — в искаженном виде впечатлевают где-то услышанное Лебядкиным слово «мухаммедство» (или: «мухаммедизм», «мухаммеданство», «магометанство»), как в XVIII и в начале XIX называли ислам, воспринимавшийся как религиозно-правственная антитеза православию⁴⁰.

Идея о «мухождении» могла возникнуть в сознании Достоевского также в связи со словами пророка Иезекииля: «...аще совертится праведник от правды своея и сотворит неправду, вся правды его не помянутся» (Иез. 18, 24). «Мал квас все смешение квасит» (Гал. 5, 9), сказал Апостол⁴¹. Уберечь от «мух» греховных помыслов может также постоянная молитва, которая разогревает сосуд душевного вместилища человека, считает авва Пимен Великий, и пока «котел разогрет горящим под ним огнем <...> дотоле не дерзает прикасаться к нему ни муха, ни какое другое пресмыкающееся», поэтому, как подчеркивает Игнатий Брянчанинов, «важно для подвижника умной молитвы постоянно хранить ум в бодрости, в трезвении, не позволяя себе ничего такого, что приводит ум в расслабление», в частности, «многословия»⁴².

Достоевский в «Бесах» называет «мухами» эмансипированных дам, а также завистливых людей, все «нападающих на чужую непрактичность»; в «Дневнике писателя» за 1881 год также упоминаются лица, которые выглядят как мухи, попавшие «в тарелку с патокой» (27, 20); работая над антинигилистической статьей «Ответ Современнику», Достоевский называет «мухами» проникнутых социалистическими идеями В. Зайцева и Д. Писарева (20, 195). Заметим, что Степан Трофимович

⁴⁰ «МУХАММЕДИСМ, а, м. и МУХАММЕДСТВО, а, ср. (Един.) То же, что магометанство. Аще кто из Христиан, или Жидов, у Персов Мухаммедисм воспримет, во первых повелевается ему, да отвержется своея Религии. Кни. сист. 320. Мухаммедства закон проповедывати. Кни. сист. 11» (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13) / АП СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 2003.

⁴¹ Избранные изречения святых иноков... С. 282.

⁴² Там же. С. 394–395.

в романе «Бесы» прямо называет себя тараканом — говорит о себе, что он «весь раздавлен, как... как таракан».

О чем, помимо бедственного состояния человечества, погрязшего в «мухоедстве», хотел поведать Лебядкин? Возможно, в этой аллегорической форме он хотел сделать тонкий намек, предупредить Варвару Степановну, что Степан Трофимович, к несчастью, попал в одну компанию с идеологически близкими, но морально чуждыми ему «нашими», уничтожающими друг друга, а заодно не признающими авторитет Степана Трофимовича Верховенского, который значительно крупнее их во всех отношениях, однако все они, вместе со своей порочной идеологией, неизбежно будут уничтожены справедливым судом Божиим — стерты с лица земли. В третьей части романа «Бесы» повествователь прямо говорит о том же, употребляя все ту же символику «мухи»:

В то, что Шатов донесет, наши все поверили; но в то, что Петр Степанович играет ими как пешками, — тоже верили. А затем все знали, что завтра все-таки явятся в комплекте на место, и судьба Шатова решена. Чувствовали, что вдруг, как мухи, попали в паутину к огромному пауку; злились, но тряслись от страха.

Пауком в этой инсектологии Достоевского, вероятно, является Петр Степанович Верховенский.

Заметим особую и, как подчеркивает хроникер «Бесов», довольно необычную для Лебядкина «чистоту» его внешнего вида: «всего более поражало в нем то, что он явился теперь во фраке и в чистом белье», что ему совершенно не шло («Есть люди, которым чистое белье даже неприлично-с», как выразился Липутин).

Понятие «чистоты» — и в тексте «Бесов», и в «Отчнике» Игнатия Брянчанинова — употребляется в расширенном, метафорическом значении, обозначая не столько отсутствие механической грязи на одежде и теле человека, сколько определенное морально-психологическое состояние, готовность освободить свое сердце и душу для «елея» истины. Исаия Отшельник говорит: «Если жела-

силь что взять, имея в том нужду, не рониши на брата своего (говоря в себе): почему не догадался он дать мне то сам от себя, но скажи ему дерзновенно в простоте: сотвори любовь, дай мне то-то, потому что имею в том нужду. Это и есть святая чистота (или прямота) сердечная...»⁴³; «Простота и не мерение себя (вменение себя ни во что) очищают сердце от лукавства <...> Ходи с незлобивыми, да общником будешь славы их и чистоты»⁴⁴.

В качестве особенно скверных злых сил, которые с легкостью заполняют божественный сосуд, душу человека, Исаией Отшельником названы: «невоздержание, украшение тела, плотская и суетная многопопечительность, леность, смехословие и шутки, оставление скромности, стремление к роскошной жизни, попрание совести, забвение суда Божия, зависть к ближнему, оболгание братий, человекоугодие, лжесвидетельство, лжеименный разум, расположение к учительству, расположение к приобретениям вещественным по обычаю мирян, малодушие, нетерпеливость, злоба на ближнего, оставление самоукоренения, любовь к славе человеческой и хладность к славе Божией, объявление своего подвига для внушения человекам высокого мнения о себе...»⁴⁵

Этот список почти полностью совпадает с тем, что фактически делает во время визита к Ставрогинею капитан Лебядкин. Особенно отметим стремление к совершенному «подвиго», «украшение тела», «любовь к славе человеческой» и «внушение высокого мнения о себе». Лебядкин одевается во все новое, для того чтобы обозначить свою духовную чистоту, нравственное совершенство

⁴³ Слова преподобного аввы Исаии к своим ученикам. Слово пятое. О заповедях верным, и о домостроительстве желающих в мире жить вместе друг с другом // Добротолюбие. Т. 1. С. 158.

⁴⁴ Там же. Слово шестое. О желающих безмолвствовать добрым безмолвием, — да внимают себе, чтоб отрывать татей, окрадающих их, и не иждивать времени своего в пленении и работе горькой, предавая сердца свои делам, кои не приличествуют им, и забывая о грехах своих // Добротолюбие. Т. 1. С. 161.

⁴⁵ Избранные изречения святых иноков... С. 251—252.

во, которое он пытается манифестировать одновременно несколькими способами. «Чистота», корневая категория душевного строя христианина, многократно упомянутая в текстах «Отчника» в качестве главного условия, при котором молитва может дойти до Господа, трактована как подвиг. Непреложности духовного подвига для каждого верующего христианина, необходимости бестрепетно испить «чашу Христову» посвящено отдельное сочинение епископа Игнатия, также вышедшее в 1870 году⁴⁶.

Этот подвиг смирения и христианского повиновения в салоне Варвары Петровны и пытается совершить Лебядкин («вменяя себя ни во что»), указывая на себя как на «ничтожное звено», декларируя идею бескорыстной жертвенности ради ближнего:

Я, конечно, ничтожное звено... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бедны они у Марии Неизвестной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовем пока Марией Неизвестной, пока, сударыня, только *пока*, ибо навечно не допустит сам бог! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому, что от вас, сударыня! Слышите, сударыня! ни от кого в мире не возьмет эта Неизвестная Мария, иначе содрогнется во гробе штаб-офицер, ее дед, убитый на Кавказе, на глазах самого Ермолова, но от вас, сударыня, от вас все возьмет. Но одною рукою возьмет, а другою протянет вам уже двадцать рублей, в виде пожертвования в один из столичных комитетов благотворительности, где вы, сударыня, состоите членом... так как и сами вы, сударыня, публиковались в *Московских Ведомостях*, что у вас состоит здешняя, по нашему городу, книга благотворительного общества, в которую всякий может подписываться...

Капитан вдруг оборвал; он дышал тяжело, как после какого-то *трудного подвига* (курсив мой. — К. Б.).

Ключевое слово здесь «подвиг» — именно этим словом обозначены в писаниях святых отцов постушки чело-

⁴⁶ См.: Чаша Христова. Сочинение епископа Игнатия (Брянчинова). Изд. 2-е. Ярославль, 1870.

века, приближающие его к нравственному совершенству Иисуса Христа.

Отметим также лебядкинский вариант «вековечного вопроса», автор которого, выражая намерение «духовно-нравственного подвига», вдруг оказался в позиции прямо противоположной той, на какую надеялся:

Он еще пуще вспотел; буквально капли пота выступали у него на висках. Варвара Петровна пронзительно в него всматривалась <...>

— Предложите еще вопрос.

— Можно ли умереть единственно от благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себе такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себе такого вопроса!! — прокричал он с патетической иронией. — А коли так, коли так:

— Молчи, безнадежное сердце! —

и он неистово стукнул себя в грудь.

Неточная строка (вместо «Засни, безнадежное сердце!») из стихотворения Н. В. Кукольника «Сомнение» («Уймись, волнения, страсти...») (12, 294). Кроме того, эти слова Лебядкина, возможно, являются аллюзивной контаминацией двух стихотворений Тютчева, хорошо известных Достоевскому: «Silentium» («Молчи, скрывайся и таи...») и «Последняя любовь» («Ты и блаженство, и безнадежность»)⁴⁷. Оба стихотворения, фактически, репрезентируют ту же мысль, которую мы видим в качестве одной из основных в творчестве Игнатия Брянчанинова — о молчании как позиции смирения перед Богом.

Словосочетание «молчи, безнадежное сердце» содержит указание на «малословие» или молчание, важное условие жизни человека, идущего к Богу, на которое многократно указано в произведениях отцов Церкви. Относительно надежды как спасающей силы, без которой жизнь человека не-

⁴⁷ Оба стихотворения входили в сборник 1868 года, последнее прижизненное издание лирики Тютчева, с которым был знаком Достоевский (Стихотворения Ф. Тютчева. М., 1868).

возможна, в творениях Аввы Исаии, в том же «Слове 12-м», где душа человека сравнивается с сосудом, в который может набиться грех в виде «комаров и мошек», есть следующая мысль: «Вино устает и получает крепость, будучи сокрыто в месте для сего приличном: так и тот, кто возделывает добродетель, должен пребывать в безмолвии, не считая себя за нечто ни в каком случае»⁴⁸. О связи между «безмолвием» и стремлением к очистке сосуда своей души от греха и порока говорит Арсений Великий: «Арсений опять молился Богу, говоря: Господи! научи меня, как мне спастись? И услышал он голос, говоривший ему: Арсений! бегай человек, молчи, безмолствуй: это — корни безгрешия». Игнатий Брянчанинов добавляет: «Так сердцеведец Бог призвал избранный сосуд Свой к отшельнической жизни, ведая его способность к ней»⁴⁹. Эта же мысль повторяется в заключительной главе книги — «Приложениях» — «Изречений Аввы Исаии»: «Более люби молчать, нежели говорить: ибо молчание собирает, а многословие расточает»⁵⁰. Сравнивая душу человека с сосудом с остатками вина, Исаия Отшельник подчеркивает: «Вино скрывают в глубоких погребах и укрывают его: тогда оно устает, получает крепость и вкус. Подобно этому действует на инока безмолвие и невменяемость. Невозможно ему сохранить в целостности свой подвиг иначе как в безмолвии и при искреннем сознании своего недостаточества во всех отношениях»⁵¹. Заметим, что в следующем разделе, № 296, указывается на хромоногость как знак отмеченности Богом⁵².

Важную роль, как и всегда у Достоевского, играет имя героя. В своем произведении Достоевский не упоминает имени святителя Игнатия Брянчанинова. Тем не менее пи-

⁴⁸ Аввы Исаии Слова. С. 106.

⁴⁹ Избранные изречения святых иноков... С. 48.

⁵⁰ Аввы Исаии Слова. С. 351.

⁵¹ Избранные изречения святых иноков... С. 227.

⁵² «Кто по-видимому ищет Бога, но вместе любит плотскую волю сердца и водится плотским мудрствованиям, тот хром. Если же, отрекшись от последования плотским вожделениям, он возлюбит Бога всем сердцем, то начнет ходить прямо» (там же. С. 227).

сатель, бесспорно, знал о епископе-подвижнике, своем однокашнике по Главному инженерному училищу: его имя было широко известно русскому обществу. Известно, что Игнатий Брянчанинов был вхож в литературные кружки своего времени, был знаком с Пушкиным, Батюшковым, Гнедичем, Крыловым; сам писал прозу — повесть о библейском Иосифе; ему посвящен рассказ Н. Лескова «Инженеры бессребреники». Существует возможность, пока еще не доказанная, знакомства писателя с епископом.

Достоевского интересовали труды и сама личность Брянчанинова, в его библиотеке хранились произведения епископа Игнатия, в частности, «Слово о смерти»⁵³. Брянчанинов в своих писаниях исследует не только вопросы монашеской жизни, но касается вековых, «проклятых» вопросов бытия. Характерны последние слова, записанные им в день своей кончины: «Что душа моя? Что тело мое? Что — ум мой? Что — чувства тела? Что силы души и тела? Что жизнь?.. Вопросы неразрешенные, вопросы неразрешимые. В течение тысячелетий род человеческий приступал к обсуждению этих вопросов, усиливался разрешить их и отступал от них, убеждаясь в их неразрешимости...»⁵⁴ Постановка вопроса, как мы видим, по масштабам сопоставимая с теми, что находим в философских размышлениях героев Достоевского⁵⁵.

С одной стороны, Лебядкин, видимо не случайно, носит то же имя, что и Игнатий Брянчанинов, с другой — как и все подобного типа «лакеи мысли», пытается заменить его «более благородным», повторяя логику Видоплясова из «Села Степанчикова». Отказ от имени, в целом, можно трактовать двояко: и как стремление к новому благозвучному имени, что свойственно многим слаборазвитым ду-

⁵³ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука-СПб, 2005. С. 120.

⁵⁴ *Брянчанинов И.* Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова в 2 тт. Т. 1. Аскетические опыты. СПб., 1905. С. 89.

⁵⁵ См.: *Буданова Н. Ф.* Достоевский и преподобный Сергей Радонежский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997.

ховно людям в произведениях Достоевского, и как намерен на монашество, требующее отречения от прежнего себя, обозначенного сменой имени. Парадокс заключается в том, что капитан Лебядкин отказывается от имени известного подвижника, которое он трактует как «грубое», к тому же человека, которому он обязан корпусом своих религиозно-философских спекуляций. Обратим внимание, что именно в чине капитана будущий святитель Игнатий Брянчанинов ушел в монастырь, это еще одна семантическая связь между двумя противоположными векторами жизни и двумя нравственно-духовными состояниями двух армейских капитанов, имеющих имя «Игнатий».

И само это имя, и отказ от своего имени — намеки на Игнатия Брянчанинова, который ушел в монастырь, совершив подвиг покаяния. Подобно Дмитрию Александровичу Брянчанинову, ставшему с новым именем Игнатия епископом Ставропольским и Кавказским, Лебядкин хочет, отказавшись от имени, стать предводителем религиозной общины, возглавить христианский монашеский орден: он желал бы быть новым «князем де-Монбаром» (André de Montbard, 1103—1156), который занимал пост магистра ордена тамплиеров с 1154-го по 1156 год. Вещая и пророчествуя в салоне Варвары Петровны, Лебядкин пытается сыграть роль Игнатия Брянчанинова, который не раз поражал современников своей духовной просвещенностью, он пытается сформировать о себе впечатление как о нравственно совершенном и литературно одаренном человеке. Заметим, что этот сюжетный ход был ранее опробован Достоевским в повести «Село Степанчиково и его обитатели», в образе Фомы Опискина.

Итак, мы имеем дело с включением в текст романа Достоевского ряда фрагментов «чужого слова» в виде цитат, аллюзий и реминисценций. Возникает сложная форма воспроизведения оригинала в сниженном, трансформированном виде:

пародийное цитирование вскрывается не в дискурсе, а в нарративе;

имеет многоуровневый поливалентный характер;

комическое в речах и поведении Лебядкина контрастирует с его обращением к богословским текстам, имеющим глубокое религиозно-нравственное звучание.

Формируя речь персонажа, Достоевский применяет специальную цитатную символику, тем самым порождая эффект гротескного несоответствия между высокими смыслами адресов аллюзии и грубым ее искажением в литературно-философских опытах и парафразах Лебядкина. В сущности, Лебядкин ничего особо неприличного не делает. Однако попытка организовать свой дискурс как литературно-богословский, как бы играя роль «христианского пророка», придает его речам очевидный пародийный смысл. Эта пародия располагается за пределами восприятия Варвары Степановны и других его слушателей, которые видят только нелепость текста и наличие в нем аллегорий: для Игнатия Лебядкина (на уровне его сознания) это серьезная, почти трагическая нота, моральный бенефис для укрепления высокого мнения о себе; для его слушателей — бред морально и физически нетрезвого человека. И только для читателя он имеет глубокий смысл. Заметим, что Лебядкин подключает к своей проповеди «басню» в тот момент, когда становится ясно, что задуманная религиозно-философская манифестация провалилась: высокие идеи, почерпнутые, скорее всего, из бесед с Марьей Тимофеевной, очевидно прекрасно знавшей сочинений Аввы Исаии, были погублены суесловием — небольшим объемом того духовного «сосуда», куда их пытались поместить.

Такого рода бурлескное изложение текста не является единственным примером в творческом наследии Достоевского. Семантическая рифма с описанным нами эпизодом содержится в предыдущей, четвертой главе «Бесов», где таким же образом Лебядкин обращается со стихотворением Фета «Я пришел к тебе с приветом» во время своего визита к Шатову — также «чисто одетый» (в новом фраке) и с настойчивым уверением в своем «благородстве», с теми же мыслями о «высшем», на фоне чего, по его мнению, ничтожной выглядит любая междоусобица, на этот раз обозначенная как «драка между человечеством».

г. Санкт-Петербург